

— Система: ю-у-у-у~

Ци Ся снова озарил лицо безобидной улыбкой, после чего выудил из большого ящика под кроватью несколько остро блестящих хирургических скальпелей, парочку пузырьков с лекарственным раствором и два шприца.

— Ты что удумал? — испуганно взвыл Сяо Хэ и отпрянул в сторону.

— Отправлю тебя на тот свет, — мягко прищурил переливчатые глаза Ци Ся. От его улыбки Сяо Хэ аж мороз по коже продрал.

— Братец, ну ты чего, давай жить дружно, а? — с обреченным вздохом попросил Сяо Хэ.

— Не выйдет, — с легкой заминкой ответил Ци Ся и улыбнулся.

Сяо Хэ выдавил из себя улыбку, пытаясь скрыть нарастающую панику, а затем рванул к выходу, чтобы распахнуть дверь. Но Ци Ся предусмотрительно запер ее на ключ, а сам он, как назло, не умел ее открывать. Пока он провозился несколько секунд, пытаясь ее отпереть, в шею снова вонзилась острая боль, и накатила знакомая волна головокружения. Перед тем как потерять сознание, Сяо Хэ успел разглядеть утонченное лицо Ци Ся. Тот небрежно, с ленивой грацией вертел в пальцах шприц, а в его улыбке таилась смертельная угроза:

— Ну до чего же ты непослушный. Почему тебе вечно так и хочется сбежать от меня? Неужели ты так сильно хочешь, чтобы я переломал тебе ноги? Если я их сломаю, ты ведь больше никуда не денешься, верно?

Сяо Хэ был готов завывать от отчаяния. То переломанные ноги, то убийства — чёрт побери, это точно Ци Ся здесь отыгрывает роль обиженной жертвы? Жертва тут вообще-то он сам! Однако веки становились всё тяжелее, и он постепенно провалился в темноту.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на операционном столе, а вокруг висит резкий, удушливый запах лекарств. Верх его тела был совершенно голым, а снизу... ну ладно, снизу на нем еще оставались крошечные трусики-пantalончики (спасибо и на том, Ци Ся, чтоб тебя). Очнувшись в таком месте, Сяо Хэ искренне гадал, не отпилил ли Ци Ся ему ноги, не вырезал ли почку или, чего доброго, не оскотил ли в порыве гнева...

Однако, бегло осмотрев себя, он понял, что ноги, судя по всему, целы, организм функционирует нормально, даже стояк на месте, а вот насчет почек ручаться было трудно — снаружи вроде всё выглядело привычно.

Ци Ся вошел в операционную в белоснежном халате, держа в руке чашку кофе, и, попивая его на ходу, поинтересовался у Сяо Хэ:

— Нравится надпись, которую я вырезал у тебя на груди?

А? Надпись? Какая еще надпись? Сяо Хэ торопливо опустил взгляд и действительно обнаружил на левой стороне груди выведенные буквы: Ци Ся. Черт побери, вырезать на груди чье-то имя — это же до безумия постыдно! Хотя... когда это Ци Ся успел обучиться татуировке? Вышло, кстати, довольно красиво.

Впрочем... стоп, сейчас совсем не время об этом думать.

— Ци Ся, я был неправ, — захолопал жалостливыми глазами Сяо Хэ.

Ради всего святого, пусть этот братец смирится и не отправляет его на тот свет.

Ци Ся пропустил его слова мимо ушей и продолжил сам с собой:

— Сяо Хэ, хочешь посмотреть на мою татуировку? Я ведь тоже вырезал твое имя прямо на сердце.

— Не хочу, — выпалил Сяо Хэ не подумав.

Лицо Ци Ся мгновенно переменилось, а зрачки сузились, превратившись в бездонные омуты ледяной воды. Сообразив, что он только что ляпнул, Сяо Хэ тут же поспешил исправиться:

— Хочу, хочу, безумно хочу посмотреть!

Ци Ся холодно фыркнул, швырнув чашку оземь. Чашка разлетелась на мелкие осколки, а по полу растеклась лужа кофе.

— Уже не надо, — бросил он и без малейшего сожаления повернулся к выходу.

Когда Ци Ся ушел, Сяо Хэ ошеломленно почесал в затылке и пробормотал себе под нос:

— Ну не надо так не надо.

Выглядел Ци Ся жутко разозленным. Стоило Сяо Хэ ляпнуть что-то невпопад, как тот тут же взбесился, и от этого на душе становилось как-то беспокойно.

— Система: Внимание, запускается миссия на выживание (->ω<*-)

Сяо Хэ: Какого черта, сука ты мелкая, открой глаза пошире! На мне из одежды только трусы, а

ты предлагаешь мне бежать! Я хоть и мужик, но вообще-то гордость у меня тоже имеется.

— Система: Если не побежишь, готовься к гуманной эвтаназии от рук Ци Ся. Между прочим, я тебя по-дружески предупреждаю: задание «бросить его» мы уже выполнили, так что люди, отправленные Президентом, скоро придут за нами. Нужно просто продержаться живым какое-то время.

Сяо Хэ: Понял.

Осознав, что Ци Ся намерен его прикончить, стал бы он послушно сидеть на месте и ждать смерти? Он же не мазохист. Только что, уходя, Ци Ся, судя по всему, впопыхах забыл запереть дверь. Сяо Хэ не стал терять ни секунды и бросился к выходу — дверь и правда оказалась не заперта...

Ци Ся поднялся уже до половины лестницы, когда вспомнил, что забыл повернуть ключ. Вернувшись назад, он закономерно обнаружил, что маленький лжец, обманувший его чувства, сбежал. Глядя на пустой операционный стол, Ци Ся лишь холодно усмехнулся: беги-беги, мне самому интересно, удастся ли тебе ускользнуть из моих рук.

И всё-таки стоило переломать ему ноги. Он проявил минутную слабость, а этот неблагодарный тут же сорвался с места. Только лишив его возможности ходить и заперев на замок, можно было гарантировать, что он никуда не сбежит.

Сяо Хэ притаился за дверью. Как только Ци Ся отпер входную дверь виллы и не спеша зашагал вверх, направляясь в комнату, откуда он только что сбежал, Сяо Хэ стремглав выскочил наружу. Перед его глазами раскинулся частный сад.

Нужно всего лишь пробежать до главных ворот. Сяо Хэ припустил во всю прыть по садовой дорожке, прекрасно понимая, насколько нелепо сейчас выглядит: Ци Ся вполне мог наблюдать из окна за его глупыми попытками к бегству, да и у ворот наверняка дежурит охрана или стоит замок. И тем не менее это был его единственный шанс и самый короткий путь. Прямо перед собой он заметил массивное дерево, растущее у высокой ограды. Во время съемок ему по долгу службы доводилось лазать по деревьям бесчисленное количество раз, а иногда режиссер и вовсе запрещал использовать страховку и дублеров, заставляя выполнять трюки самостоятельно.

Долетев до дерева, он в мгновение ока взобрался на него. До забора оставалось еще приличное расстояние, но, вероятно, смертельная опасность способна пробудить в человеке скрытые резервы: Сяо Хэ зажмурился и сиганул с ветки прямо на ту сторону.

Оказавшись за пределами виллы Ци Ся, он уже не рисковал бежать по открытой дороге — любая машина Ци Ся нагнала бы его в два счета.

Вилла Ци Ся располагалась на возвышенности. Впрочем, этот факт Сяо Хэ несколько не удивлял: хоть Ци Ся и был простым врачом, заколачивающим не такие уж безумные деньги,

семьи Ци и Ся занимались бизнесом и считались весьма состоятельными в этих краях.

Поскольку вокруг простирался горный склон, здесь росло множество густых кустарников и раскидистых деревьев. Сяо Хэ, укрывшись в чаще, вскоре наткнулся на ручей и теперь спускался вниз по течению прямо к подножию горы.

На нем были лишь крошечные трусики, а на коже красовались свежие царапины от недавнего прыжка через забор. Пробираясь сквозь дикие заросли, он то и дело цеплялся за бесчисленные ветки, которые оставляли на его теле всё новые и новые порезы, так что к моменту, когда он вышел к подножию горы и попытался поймать такси, вид у него был поистине плачевный.

Чжоу Личжи слыл знатным мажором. В тот день он привез на природу очередную пассию — смазливую модель, которую недавно подцепил, чтобы заняться диким сексом прямо в машине. К его крайнему удивлению, дорогу им преградил полуголый, ободранный мужчине с исцарапанными ногами, от вида которого волосы вставали дыбом.

— Куда путь держишь? — не разглядев лица из-за грязи и ссадин, брезгливо бросил мажор.

Этот тип мало того что выглядел как бомж, так еще и нагло перегородил им дорогу, с порога увязываясь на хвост с просьбой подбросить. Честно говоря, Чжоу Личжи совершенно не горел желанием сажать его в салоне и пачкать свою любимую тачку.

— Далеко тут добираться, знаешь ли, — фактически это был вежливый отказ.

— Умоляю! Сколько с меня попросите, столько и заплачу, когда доедем. Меня похитили, — умоляющим голосом произнес Сяо Хэ, отбросив всякую гордость. Впрочем, в его положении — в одних трусах посреди ночи — о гордости говорить уже не приходилось.

— Раз так, почему в полицию не позвонишь? Хочешь, я за тебя наберу? — продолжал осторожничать мажор, сидя в машине.

Заявился тут какой-то психопат в нижнем белье посреди ночи, еще прирежет чего доброго.

Сяо Хэ тут же смекнул и испуганно замахал руками:

— Не надо звонить!

Он же собирался исчезнуть отсюда, а что если Ци Ся арестуют полицейянты? Собственно, именно по этой причине он и не стал отлеживаться в лесу: боялся, что из-за его внезапного исчезновения полиция схватит Ци Ся.

Хотя... стоп. Он же не исчезнет навсегда, истинный хозяин тела со временем вернется. Как он

мог забыть об этой детали? Получается, переждать время в чаще было бы куда безопаснее, чем ловить попутку посреди ночи.

— Братец! — не успел Сяо Хэ броситься наутек, как перед ними на бешеной скорости затормозил шикарный мазерати.

Ци Ся с безупречной элегантностью выбрался из салона и с мягкой улыбкой обратился к парочке в заблокированной машине:

— У моего братца легкое расстройство психики, он ускользнул, пока я не видел, и доставил вам столько хлопот. Прошу прощения.

Затем он повернулся к Сяо Хэ, и на его лице отразилось искреннее беспокойство:

— Братец, ну куда же ты убежал? Пойдем скорее домой.

Сяо Хэ встретился взглядом с этой озаряющей всё вокруг солнечной улыбкой Ци Ся, и по его спине пробежал ледяной пот.

— 13. Охота на доктора-яндере (Конец)

Только не надо так, Ци Ся! Он ведь совсем не мазохист, неужели нельзя обойтись без этого психоза?

Видя, что парочка в машине уже безоговорочно поверила Ци Ся, Сяо Хэ, не раздумывая ни секунды, дернул за ручку дверцы и камнем нырнул в салон. Те двое не успели сориентироваться, а вытолкать его обратно было уже поздно.

Сяо Хэ частенько так поступал, когда таксисты отказывались ехать в определенные районы: просто запрыгивал внутрь и уже по ходу дела называл адрес — деваться им было некуда, приходилось везти.

Мажор Чжоу Личжи смертельно перепугался, окончательно убедившись, что этот полуголый мужик, шатающийся по ночной глуши в одних трусах — натуральный псих. Он с истеричными нотками в голосе заорал на Ци Ся:

— Эй! Он залез ко мне в машину, вытащите его немедленно!

Его красивая спутница тут же завизжала следом, поддерживая спутника.

Сяо Хэ помрачнел. Неужели он выглядит настолько жутко? Или его мольбы прозвучали

недостаточно жалко, чтобы разжалобить окружающих? Не может быть! Он профессиональный актер, да Ци Ся в подметки ему не годится по части актерской игры! Но стоило бросить взгляд на аристократичное лицо Ци Ся, а затем на собственный безумный вид облезлого бродяги, как Сяо Хэ охватила горькая обида на этот несправедливый мир, судящий всех по внешности!

— Братец, поехали домой, — с нежной улыбкой произнес Ци Ся, распахивая дверцу машины.

Однако в его глазах полыхал ледяной блеск, и каждый взгляд резал Сяо Хэ почище ножа. Тот ни капли не сомневался, что стоит ему вылезти наружу, как Ци Ся тут же покромсает его кухонным тесаком на мелкие кусочки.

Ни за что на свете он отсюда не выйдет! Сяо Хэ забился в самый угол заднего сиденья, сжавшись в комок, словно напуганный птенец.

Внезапно шею обожгло холодом, ощутился легкий укол, и Сяо Хэ снова провалился в темноту. Утерев сознание, он из последних сил беззвучно выругался:

— Черт...Вновь придя в себя, Сяо Хэ почувствовал лишь холод — жуткий, пробирающий до костей. словно его тело сначала донельзя застудили, а потом покатали по ледяным глыбам. Придя в сознание, он затрясся в непрекращающейся дрожи и даже не мог вымолвить ни слова.

Ци Ся применил силу, заставляя его лечь ровно. У Сяо Хэ даже не осталось сил на сопротивление: от страшного холода его трясло с ног до головы, двигаться не хотелось, да и, по правде говоря, он уже не мог. Когда Ци Ся достал шприц и, бормоча что-то у него над ухом, пообещал превратить его в марионетку, закатать в формалин и до конца дней держать в этой ледяной камере себе в компанию, в голове Сяо Хэ мелькнула лишь одна мысль: «Он сошел с ума. Этот парень абсолютно, окончательно чокнулся».

— Ты сам меня вынудил. Если бы ты не пытался постоянно сбежать от меня, я бы ни за что так не поступил, — холодно произнес Ци Ся. — Стоит мне убить тебя и сделать из тебя куклу, как ты сможешь вечно оставаться со мной. Я люблю тебя и хочу быть с тобой всю жизнь, Хэ-хэ.

Дружище, да он вовсе этого не хочет! Уж лучше встретить старость в одиночестве, верно? Разве это вообще любовь, какого черта? Система, ты где нахрен пропадаешь? Обычно только и делала, что мельтешила перед глазами, а сейчас, в самый критический момент, когда меня собираются пустить на фарш, ты куда-то запропастилась!

Ци Ся сжал ледяные пальцы Сяо Хэ, и в его преисполненных нежности глазах закрутились черные воронки.

— Скоро мы будем вместе навеки, и никто нас не разлучит.

— Не бойся, я сделаю все аккуратно, тебе будет совсем не больно. Ты просто уснешь.

На лице Ци Ся красовалась большая голубая медицинская маска, в руке он держал шприц, а взгляд его источал ледяной зимний холод. Сяо Хэ чувствовал себя лабораторной мышкой, от которой не было спасения.

[Система: Обратный отсчет до эвакуации. Прошу прощения, я запоздала. 3, 2, 1...]

Под изумрудным взглядом Ци Ся тело Сяо Хэ постепенно стало прозрачным. Чувствуя, что вот-вот исчезнет, Сяо Хэ крикнул на прощание:

— Кончай ты со своей придурью! Ни один нормальный человек этого не вытерпит!

«И ты тоже не выдержишь?» — Ци Ся замер в растерянности, глядя на пустой хирургический стол. С его одежды соскользнул холодный скальпель и со звонким, одиноким стуком упал на пол.

— Сяо Хэ, я обещаю, больше так не буду! Ты можешь вернуться?.. Вернись, умоляю...

Очувтившись в пространстве Системы, Сяо Хэ бросился прямо к кондиционеру и принялся греть руки, издавая блаженные звуки:

— Ох ты ж матушка, все-таки умеешь ты жить! И тепло, и без забот. А я ведь чуть насмерть не замзрз!

Мужчина с серебряными волосами и фиолетовыми глазами преспокойно щелкал семечки за письменным столом, глядя фильм, и никак не отреагировал на слова Сяо Хэ.

Заметив его молчание, Сяо Хэ слегка растерялся. К тому же из разговоров с Системой он знал, что перед ним Президент, а страх перед неизвестной таинственной силой заставил его вести себя поскромнее. Он сам притащил стул и присел рядом.

— Слушай... а до каких пор мне выполнять эти задания? Что, каждый раз придется страдать от заскоков Ци Ся?

Мужчина с серебряными волосами и фиолетовыми глазами, не отрываясь от фильма и находя между делом минутку на щелканье семечек, ответил:

— Ага, мучить будешь только его одного. Кто просил его переходить мне дорогу? Понятия не имею, когда это закончится. Он вроде как сам спустился в мир смертных на закалку, так что вернется, наверное, когда-то. Мои отношения с ним — ну просто хуже некуда, хуже просто не бывает.

Сяо Хэ кивнул, показывая, что понял. Разве тут могут быть хорошие отношения? Сам же вечно творит черт знает что.

— Так что я без понятия, когда он вернется, — честно признался красивый серебряноволосый мужчина, прищутив сияющие фиолетовые глаза.

Сяо Хэ занервничал:

— Неужели мне придется вечно выполнять эти миссии?

— С чего бы вдруг? Дождешься, пока он вернется, и всё. Он не сможет слишком долго задерживаться в смертном мире... У него слишком много врагов, да и сам он трусих.

Серебряноволосый заплевал шелухой от семечек все вокруг. Сяо Хэ с неудовольствием покосился на то, как он превратил в свинарник некогда идеально чистый офис, но вовремя вспомнил, что дело превыше всего:

— Я хочу узнать, что было дальше. Что стало с Ци Ся после моего ухода, и не станет ли истинный хозяин тела снова унижаться и бегать за этим Яо Цилином?

Мужчина с фиолетовыми глазами со вздохом пожал плечами и бросил Сяо Хэ папку с документами:

— Сам гляди, там всё есть.

Сяо Хэ горячо поблагодарил его и тут же принялся изучать дальнейшую судьбу Ци Ся. Тюрьмы тот избежал — хотя, учитывая его больную голову, Сяо Хэ был уверен, что Ци Ся без труда умудрился бы загреметь за решетку. К его удивлению, жизнь он прожил вполне мирно, даже стал в Хуаго знаменитым светилом в области гинекологии — особенно преуспев в лечении бесплодия. И хотя слава о нем гремела на всю округу, он так и не женился, проведя остаток дней в одиночестве.

Дочитав до этого места, Сяо Хэ одновременно обрадовался и опечалился: убиваться до конца жизни по такому лжецу, как он, для Ци Ся было слишком большой расточительностью.

Что же до истинного владельца тела, то он не стал унижаться и возвращаться к Яо Цилину. Напротив, он принял добрые намерения Сяо Хэ: с одной стороны, с головой ушел в карьеру, с другой — усердно ходил на свидания вслепую... $*(\downarrow \nabla \hookleftarrow)*$ По неизвестной причине он так и не сошелся с Ци Ся. Сяо Хэ предполагал, что помимо нежелания самого Ци Ся, причиной могло быть и то, что тот был слишком уж психованным, и обычный человек просто не вынес бы такого. $(*\rightarrow _ \rightarrow$ А сам-то выглядишь так, будто гордишься этим. $*)$

— Справился отлично, мне очень понравилось. Как представляю этого напыщенного индюка,

который в этой жизни мало того что влюбился в гея, так еще и был им брошен — прямо на душе становится... ох как радостно! — Президент наградил Сяо Хэ горячим объятием и зловеще захихикал.

Сяо Хэ подозрительно прищурился:

— Ты что, все это время подглядывал?

— С чего бы? Похож я на такого человека? Как ты мог о мне подумать?! — С этими словами красавец Президент-серебряноволосик выудил из-под стола целую гору снеков, вытащил ведерко с попкорном и продолжил жевать. — Ладно, глянул пару раз, всего пару раз. Я вообще-то человек занятой, с чего бы мне маяться дурью?

Сяо Хэ лишь молча подумал: «...Но по мне так ты только тем и занимаешься, что маешься дурью и страдаешь от безделья».

Под тусклым светом ламп ноги Сяо Хэ затекли настолько, что он чуть не шлепнулся прямо на пол. Придя в себя, он мысленно возблагодарил небеса: хорошо хоть не сел, а то угодил бы прямо в дырку общественного туалета.

Какого черта оригинал вообще здесь присел? — озадаченно и раздраженно почесал затылок Сяо Хэ.

Снаружи доносились голоса, и в пустом туалете они звучали особенно отчетливо. Судя по всему, сейчас шли занятия, а те несколько человек явно прогуливали уроки, потому что от них разило табачным дымом. Вшивый дух общественного туалета вперемешку с сигаретным перегаром — что может быть отвратительнее?

Снаружи кто-то переговаривался со смешками, и грубый голос произнес:

— Этот Сяо Хэ правда такой дешевый? Всего тридцать юаней за раз? Да с ним любой может переспать?

— Ты разве не знал? Говорят, мать Сяо Хэ — шлюха, да и он сам подрабатывает на панели, еще какая дешевка.

— Ха-ха-ха... — раздался дружный хохот.

Сяо Хэ, скорчившись в кабинке, окаменел всем телом и боялся даже пошевелиться.

Истинного владельца тела тоже звали Сяо Хэ. Его мать звали Цзян Цзыюнь, а поскольку ее первую любовь звали Сяо Чэнгун — с фамилией Сяо, — к тому же она сама больше всего на свете любила журавлей, сына она назвала Сяо Хэ.

Цзян Цзыюнь и Сяо Чэнгун познакомились на университетском мероприятии. Благодаря чистой и милой внешности Цзян Цзыюнь слыла первой красавицей и всеобщей любимицей Т-ского университета, поэтому вокруг нее всегда вилось множество льстецов, и Сяо Чэнгун не был исключением.

Будучи из состоятельной семьи, Сяо Чэнгун никогда не страдал от недостатка женского внимания. Хотя он уже успел завести пару романов, в силу возраста его характер оставался довольно наивным. Получив от Цзян Цзыюнь пару отказов, он уязвил свое самолюбие перед однокурсниками и принялся добиваться ее с удвоенным усердием. Не выдержав столь бурного натиска, холодная и неприступная, словно лотос, Цзян Цзыюнь сдалась и ответила на его ухаживания.

В последовавших отношениях внешне холодная, но страстная внутри Цзян Цзыюнь постепенно потеряла голову от Сяо Чэнгуна, тогда как сам он начал понемногу уставать от правильной и скучной девушки. Ему нравились девчонки поярче да пособлазнительнее, а не тихони вроде Цзян Цзыюнь, зубрящие конспекты и живущие по уставу. Ему подавай ту, что способна щекотать нервы. Впрочем, изначально он и заприметил ее именно поэтому — если бы Цзян Цзыюнь не ломалась поначалу и не заставила его добиваться себя, он бы наверняка заскучал с ней гораздо раньше.

Для подобного типа людей у Сяо Хэ было лишь одно определение: мразь! С большой буквы «М»! Иными словами, любить его было нельзя: стоило тебе привязаться, как у него тут же начинался зуд во всех местах. Он издевался над тем, кто относился к нему хорошо.

Сяо Чэнгун быстро пустился во все тяжкие, закрутив шашни с какой-то девицей легкого поведения, чье имя полоскали на все лады по всему кампусу. Прямо на глазах у Цзян Цзыюнь они любезничали, тискались и обнимались в столовой, на спортивной площадке и в аудиториях. Студенты открыто сочувствовали Цзян Цзыюнь и одновременно злорадствовали над тем, что ее бросили — особенно те девицы, что люто завидовали ее красоте.

А Цзян Цзыюнь и впрямь была хороша. Чертовски хороша. Прямо как кинозвезда. Кожа — нежная, хоть персиком кати, глаза — озерца влажного блеска, во всем университете не сыскалось бы равной ей.

Пожалуй, отчасти именно поэтому некоторые девицы так злорадствовали. Какая польза от красоты, если твоего парня все равно увела та, что лицом вышла гораздо хуже?

Ту распущенную девицу, охмулившую Сяо Чэнгуна, звали Чжу Мици. Внешностью она обладала самой заурядной, но одевалась вызывающе броско и в каждом движении излучала бешеный магнетизм, благодаря чему пользовалась огромной популярностью у парней. Отчасти поэтому она и положила глаз на Сяо Чэнгуна: увести парня у девушки, которая во всем ее

превосходила, казалось отличным способом потешить собственное тщеславие.

Переболев в одиночестве целый месяц, Цзян Цзыюнь наконец сорвалась. Она переспала со всеми друзьями Сяо Чэнгуна до единого и даже охмурила его научного руководителя.

<http://bllate.org/book/21670/2235747>